

# СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2

1979

А. А. ЧАРИКОВ

## О ЛОКАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ ПРИИРТЫШЬЯ

В последние годы можно отметить рост интереса со стороны исследователей к каменным изваяниям. Об этом свидетельствует немалое число публикаций и монографий, посвященных средневековым скульптурам Семиречья<sup>1</sup>, Тувы<sup>2</sup>, Сибири<sup>3</sup>, южнорусских степей<sup>4</sup>. С 1974 г. начали вводиться в научный оборот довольно крупные серии статуй из Восточного Казахстана, Павлодарской и Омской областей<sup>5</sup>. Таким образом, появилась возможность изучить отдельные региональные комплексы этих памятников на широком фоне, выделить узколокальные черты, определить границы распространения выделенных типов, направление их перемещений.

В данной статье автор не претендует на решение всех перечисленных проблем. Она посвящена типологии причесок, головных уборов и сосудов, причем автор стремился выявить преобладающие формы, характерные для статуй прииртышского региона. Ранее исследование каменных баб Казахстана в таком аспекте не проводилось. Можно отметить лишь удачную попытку В. П. Мокрынина определить этническую принадлежность ряда женских скульптур Киргизии по особенностям покрова одежды<sup>6</sup>. В других работах, посвященных каменным изваяниям, о локальных особенностях, как правило, ничего не говорится или упоминается лишь вскользь.

Из общего числа выявленных памятников на долю Прииртышья приходится 82 описанные и измеренные статуи (с рисунком или фотографией). Они подразделяются на три основных типа.

1. Изваяния с сосудом в поднятой у груди правой руке и саблей (или кинжалом) в опущенной левой. Возможны варианты: а) сосуд в поднятой левой руке, а сабля (кинжал) — в правой; б) в поднятой правой руке ловчая (?) птица, сабля (кинжал) — в опущенной левой; в) сосуд в поднятой правой руке, опущенная левая — без оружия (рис. 1, I).

<sup>1</sup> Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.

<sup>2</sup> Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 24—33, 80—82; его же. О назначении древнетюркских изваяний, изображающих людей.— СА, 1964, № 2, с. 27—39; его же. Рец.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы.— СА, 1964, № 1, с. 349.

<sup>3</sup> Евтюхова Л. А. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.— МИА, № 24, 1952, с. 72—120.

<sup>4</sup> Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.— САИ, вып. Е4-2. М., 1974.

<sup>5</sup> Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья.— СА, 1974, № 3, с. 220—235; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана.— СА, 1976, № 4, с. 153—165.

<sup>6</sup> Мокрынин В. П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности.— В сб.: Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975, с. 113—119.

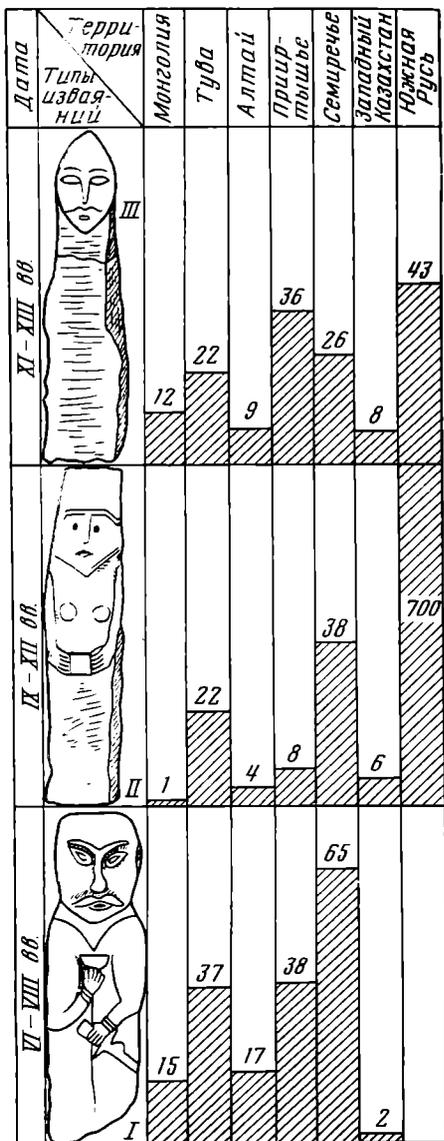


Рис. 1

Рис. 1. Эволюционно-региональная таблица каменных изваяний Приир-тышья

Рис. 2. Таблица распространения прииртышских форм головных уборов, обозначенных на изваяниях I типа

Территория	Монголия	Тува	Алтай	Приир-тышье	Семиречье	Западный Казахстан
1				4		
2				1		
3		1		9	12	
4		6	7	10	27	
5		4	2	8	5	1
6	1	8	3	1		

Рис. 2

Все фигуры исполнены в технике «круглого барельефа», с легкой подшлифовкой поверхности, из крупнозернистого гранита, иногда — кремнистого сланца. В большинстве случаев тщательной обработке подвергалась лишь лицевая сторона и частично боковые. Памятники, исполненные в технике круглой скульптуры, чрезвычайно редки. Особый подтип представляет объемная фигура сидящего мужчины (голова отбита и утрачена) с прижатой к груди правой рукой и опущенной на колено левой<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Ук. соч., с. 221, рис. 1, 1—5; с. 222, рис. 2, 6—8; с. 227, рис. 5, 9, 11; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры..., с. 154, рис. 1, 1—3; рис. 2, 4—6; Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). — ИАК, вып. 62, 1916, с. 82, рис. 36; Шер Я. А. Ук. соч., табл. I, 1, 2, 4, 6; табл. II, 8—12; табл. III, 14; табл. XIII, 53, табл. XIV, 54, 55; табл. XXIII, 108; Селиванов А. В. Дневник археологических исследований в Кокчетавском уезде 1894 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, 1894, д. 64, л. 26—28.

2. Изваяния с сосудом в обеих руках у пояса. Подтипы: а) мужские, б) женские. Техника обработки — барельеф с элементами гравирования. Лицевая поверхность слегка подшлифована. Материал — серый, различных оттенков гранит (рис. 1, II)<sup>8</sup>.

3. Изваяния стеловидные с обобщенным силуэтом. Руки, оружие реалии и другие подробности, как правило, не обозначены. Вместе с тем при всей обобщенности художественного языка некоторые детали (черты лица, отдельные элементы одежды и бытовых предметов, признаки пола) исполнены весьма конкретно. Характерным для данного типа является подчеркивание той или иной индивидуальной особенности в силуэте изображаемого (чрезмерная полнота, сутулость и т. д.), определяемой, по-видимому, уже на стадии подборки монолита его конфигурацией. Подтипы: а) мужские, б) женские. Материал — гранит (рис. 1, III)<sup>9</sup>.

Статуи первого типа в Прииртышье были созданы местными тюркоязычными племенами в VI—VIII вв. н. э. Второй тип датируется в рамках IX—XII вв., третий — XI—XIII вв.<sup>10</sup> Создатели их кимаки и кыпчаки.

К первому типу относятся 38 скульптур. Наиболее значительно они различаются между собой по форме причесок и головных уборов. Известно, что головной убор, являясь самым консервативным элементом одежды, очень долго сохраняет традиционные черты этнических, социальных, идеологических и половозрастных показателей<sup>11</sup>. Поэтому такая дифференциация имеет весьма важное значение. В данном комплексе по форме шапок и прически можно выделить шесть групп.

1. Зимние шапки подпрямоугольных очертаний с опущенными наушниками и сердцевидным или овальным лицевым вырезом (рис. 2, 1). Подобная форма ни разу не воспроизведена на известных скульптурах рассматриваемого типа из соседних территорий и является, по-видимому, местной особенностью. Изображенные на двух семиреченских фигурах головные уборы с лицевым вырезом не могут быть включены в эту группу, так как они представляют самостоятельный тип «трехрогих» шляп<sup>12</sup>. В. П. Мокрынин считает данные изваяния женскими<sup>13</sup>. 2. Головной убор округлой формы с прочерченной спереди и по сторонам прерывистой лобной линией, имитирующей, вероятно, меховую опушку (рис. 2, 2). Аналогичных шапок среди памятников данной группы не встречено ни к востоку, ни к западу от Прииртышья. 3. Девять изваяний изображены с волосами, зачесанными назад и разделенными «прямым пробором». На шести из них волосы показаны и сзади, тонкими прядями, распущенными по спине (рис. 2, 3). 4. Изваяния с островерхими и округлыми, нечетко обозначенными шапками (рис. 2, 4). 5. Изваяния с нечетко обозначенными головными уборами прямоугольных очертаний (с плоским вер-

<sup>8</sup> Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Ук. соч., с. 227, рис. 5, 16; Шер Я. А. Ук. соч., табл. XXV, 120; Коншин Н. Я. О памятниках старины в Семипалатинской области. — Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО, вып. I. Семипалатинск, 1903, с. 19; Герасимов Б. Н. Из мира легенд и недавнего прошлого (этнографический очерк). — Там же, вып. IV, 1909, с. 3; Белослюдов А. П. Отчет о работах археологической экспедиции в окрестностях г. Усть-Каменогорска в 1910 году. — Там же, вып. VI, 1912, с. 1; Селиванов А. В. Ук. соч., л. 24.

<sup>9</sup> Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Ук. соч., с. 227, рис. 5, 10, 12—15; с. 228, рис. 6, 17—21; Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры..., с. 158, рис. 6, 7—9; рис. 7, 10—12; Адрианов А. В. Ук. соч., с. 86, рис. 37; с. 87, рис. 38; Шер Я. А. Ук. соч., табл. XVIII, 78, 79, 81, 82; табл. XIX, 84; Черников С. С. Отчет ВКАЭ 1935 г. — Архив ЛОИА, Р-1, Арх. 741, 937, л. 62.

<sup>10</sup> Обоснование датировки см. в вышеуказанных статьях автора.

<sup>11</sup> Сугарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. — Среднеазиатский этнографический сборник, вып. 1. Тр. ИЭ АН СССР. XXI. М., 1954, с. 300; Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. М., 1973, с. 147, 198.

<sup>12</sup> Шер Я. А. Ук. соч., табл. XVI, 67, 71.

<sup>13</sup> Мокрынин В. П. Ук. соч., с. 114.

хом) (рис. 2, 5). 6. Головной убор в виде невысокого уплощенного выступа на макушке (рис. 2, 6).

Из прилагаемой таблицы (рис. 2) видно, что Прииртышье как бы объединяет Запад (Семиречье, Южный Казахстан) и Восток (Монголия, Тува, Хакасия, Алтай) в отношении распространения различных видов причесок и головных уборов, изображенных на каменных изваяниях первого типа, часто сохраняя на своей территории формы, характерные и для той, и для другой стороны. В подавляющем большинстве все выделенные типы головных уборов встречаются и в других близлежащих районах. Таблица показывает также направление их количественных изменений. Прииртышье почти всегда является центром распространения выделенных форм или крайней областью их бытования. В то же время необходимо отметить наличие неповторимых типов, являющихся, вероятно, местной особенностью. К ним надо отнести шапки-ушанки прямоугольных очертаний с сердцевидным лицевым вырезом, напоминающие казахский головной убор «тымак» или шапку узбекских кыпчаков «тумок»<sup>14</sup>. Не имеет себе аналогий в кыпчакской скульптуре и округлая шапка чингистайского изваяния<sup>15</sup>.

Нельзя, конечно, исключить возможность нахождения в будущем подобных форм в соседних областях, но вряд ли они смогут принципиально изменить количественное соотношение тех или иных разновидностей головных уборов. К тому же следует учитывать, что для каждой территории присущи свои традиционные покрои. Например, на тувинских скульптурах чаще всего встречены головные уборы шестой группы, однако характерными для этой территории являются, видимо, шапки с отогнутыми назад и связанными между собой наушниками, очень похожие на современные ушанки<sup>16</sup>. За пределами Тувы они не встречены. Своеобразные узлокопальные особенности в форме головных уборов можно, по всей вероятности, наметить и для других географических регионов.

Таблица распространения выделенных типов головного убора указывает также на область возникновения тех или иных форм, которой Прииртышье обязано их появлению. Так, шапочка в виде невысокого уплощенного выступа (рис. 2, 6), прежде чем появиться на Иртыше, прошла длинный путь из Тувы и Монголии, через Хакасию и Алтай. Далее к западу подобная форма не получила распространения.

Судя по количеству, центром бытования изваяний с подпрямоугольными очертаниями головы (рис. 2, 5) было Прииртышье. Эта форма занимает наибольший ареал — от Тувы до Западного Казахстана. Широкое территориальное распространение имели также и изваяния с округлой (яйцевидной) головой (рис. 2, 4). Таблица дает наглядное представление о постепенном их количественном росте с востока (Тува) к западу (Семиречье). Всего насчитывается 50 изваяний с подобной трактовкой головного убора, но более всего их в Прииртышье и Семиречье (37 экз.). Интересно, что внутри данной группы статуй можно выделить дополнительно (по изобразительным признакам) характерные черты, свойственные каждой из этих областей. По манере изображения глаз среди них различаются «безбровые» лица и статуи с выпуклыми, слегка изогнутыми бровями, соединенными с носом (рис. 3). Чаще всего «безбровые» лица встречены на прииртышских скульптурах данной группы (рис. 3, 1—6). В Семиречье же, наоборот, преобладают памятники второй подгруппы: из 27 изваяний только одно (рис. 3, 15) безбровое. Безбровый вариант зафиксирован и на нескольких алтайских фигурах<sup>17</sup>, но там

<sup>14</sup> *Зазарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда (XIX — начало XX века). Алма-Ата, 1964, с. 70, рис. 14, 11; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, с. 250, рис. 14.

<sup>15</sup> *Арсланова Ф. Х., Чариков А. А.* Ук. соч., с. 221, рис. 1, 1.

<sup>16</sup> *Евтюгова Л. А.* Ук. соч., рис. 21, 24—26, 41; с. 103, рис. 57, 1—4.

<sup>17</sup> *Евтюгова Л. А.* Ук. соч., рис. 1, 2, 3; рис. 71, 4, 5.

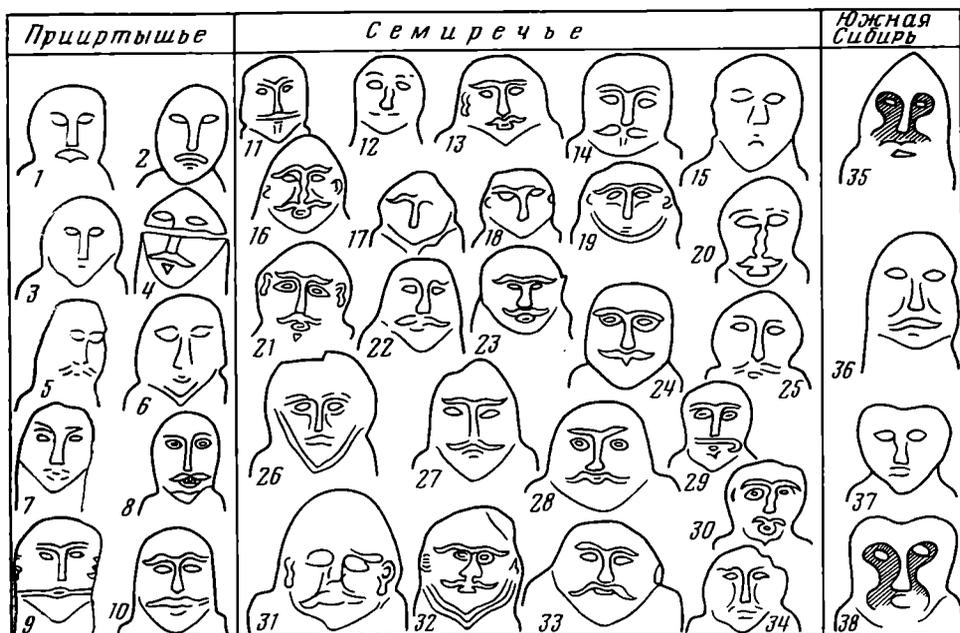


Рис. 3. Сравнительная таблица «круглоголовых» (группа 4) изваяний I типа: 1—6, 15, 35—38 — «бесбровые» статуи; 7—14, 16—34 — статуи с обозначенными бровями

эта особенность сочетается с сердцевидной формой головы и со своеобразной (выемчатой) техникой обработки лица, когда вокруг выпуклых рельефов носа, глаз, усов, рта образуется плоская поверхность, внешние контуры которой составляют очертания щек, лба и подбородка (рис. 3, 35—38). Таким образом, отсутствие бровей у круглоголовых фигур — черта, практически не встречающаяся за пределами прииртышского ареала — является еще одной отличительной особенностью местных памятников.

После головных уборов наиболее ярким локальным показателем для каменных изваяний надо считать сосуд. По своей форме все сосуды, изображенные на прииртышских статуях, подразделяются на шесть типов (рис. 4): 1) кубок на ножке, 2) круглодонная чаша, 3) круглодонный кувшин (кринка), 4) плоскодонный горшок, 5) круглодонный кувшин (кринка) с поддоном, 6) стакановидный кубок.

На 16 скульптурах изображены кубки на ножках (рис. 4, 1). Подобные кубки зафиксированы на изваяниях Монголии, Тувы, Хакасии и Алтая. Более всего их учтено в Семиречье. В процентном отношении и Прииртышье и Семиречье имеют примерно равное число таких сосудов (по 50%). Очень мало их к востоку от Иртыша (7,2%), но в Монголии количество кубков вновь возрастает до 33%. На территории Западного Казахстана аналогичные сосуды не отмечены.

На 10 статуях воспроизведены круглодонные чаши. Столько же учтено в Семиречье, но в процентном отношении они более характерны для Прииртышья (26,3 и 14,8%). Очень мало чаш изображено на восточных скульптурах. Для востока более характерны сосуды третьего типа и пятого (рис. 4, 3, 5).

Итак, для прииртышских изваяний наиболее типичны кубки и чаши. Если сравнить между собой сосуды первого типа Семиреченского (рис. 5, 16—49) и Прииртышского (рис. 5, 1—15) комплексов с целью выявления локальных признаков, то окажется, что для первого характерно подавляющее преобладание кубков на невысоких профилированных ножках, тогда как в Прииртышье их совсем нет. Для территории северовосточного Казахстана очень показательны кубки на тонких высоких

Территория	Монголия	Тува, Хакасия, Алтай	Прииртышье	Семиречье
Общее число статуй I типа	15	69	38	65
Виды сосудов	1	5	5	16
	2	2	4	10
	3		12	3
	4		4	2
	5		19	1
	6	1	1	1

Рис. 4. Таблица распространения прииртышских форм сосудов, обозначенных на изваяниях I типа

видной головой, без четко обозначенной шапки; 4) круглоголовые скульптуры. В Западном Казахстане и к востоку от Прииртышья подобный вариант не зафиксирован.

Таблица распространения головных уборов показывает, что для изваяний Прииртышья характерны высокие подпрямоугольные, слегка сужающиеся вверх шапки (рис. 6, 1), изображенные на женских фигурах. Они напоминают по форме «саукеле», который носили казахские девушки-невесты и молодые женщины в первый год замужества<sup>18</sup>. Такие головные уборы не зафиксированы на статуях из смежных областей, за исключением юга России. Мужские фигуры характеризуются округлой формой головы (рис. 6, 4). Остальные формы представлены в Прииртышье минимально и поэтому не могут быть использованы для каких-либо обобщений. Достаточно лишь указать, что третья группа статуй с яйцевидной головой (рис. 6, 3), на которой угадываются очертания невысокой островерхой шапочки, распространены наиболее широко — от Тувы до Поволжья и южнорусских степей, хотя абсолютное число их совсем невелико (15 экз.). Больше всего зафиксировано круглоголовых

ножках, плавно расширяющихся книзу, а также сосуды на широких низких поддонах (рис. 5, 1—3). В Семиречье подобный вариант отсутствует.

Среди чаш можно выделить относительно глубокие с крутыми стенками круглодонные образцы (рис. 5, 55—59) и более мелкие, с пологими боками, пиалы (рис. 5, 50+54). Весьма примечательны три мелкие серповидные чаши с изогнутой линией венчика, изображенные на Прииртышских фигурах (рис. 5, 50—52). Подобная трактовка ранее не встречалась на известных средневековых памятниках и является уникальной. Что касается круглодонных глубоких чаш, то их следует также отнести к разряду наиболее характерных для Прииртышья форм, поскольку в Семиречье они составляют ничтожный процент (рис. 5, 68, 69). Зато на скульптурах из Тянь-Шаня, Таласской долины и Южного Казахстана чаще изображены круглодонные мелкие пиалы с прямой линией венчика (рис. 5, 63—66). Обращает на себя внимание своеобразная форма пиал с заостренным донцем, воспроизведенных на ряде тянь-шанских фигур (рис. 5, 60—62).

Второй тип представлен восемью изваяниями с сосудом в обеих руках, опущенных чуть ниже пояса (рис. 1, II). По форме головного убора они подразделяются на четыре группы (рис. 6): 1) изваяния с высокой четырехугольной (в виде вытянутой трапеции) шапкой, к востоку от Прииртышья и в Семиречье эта форма не получила распространения; 2) островерхий головной убор; 3) статуя с яйцевидной головой, без четко обозначенной шапки; 4) круглоголовые скульптуры.

<sup>18</sup> Захарова И. В., Ходжаева Р. Д. Ук. соч., с. 113, рис. 33.

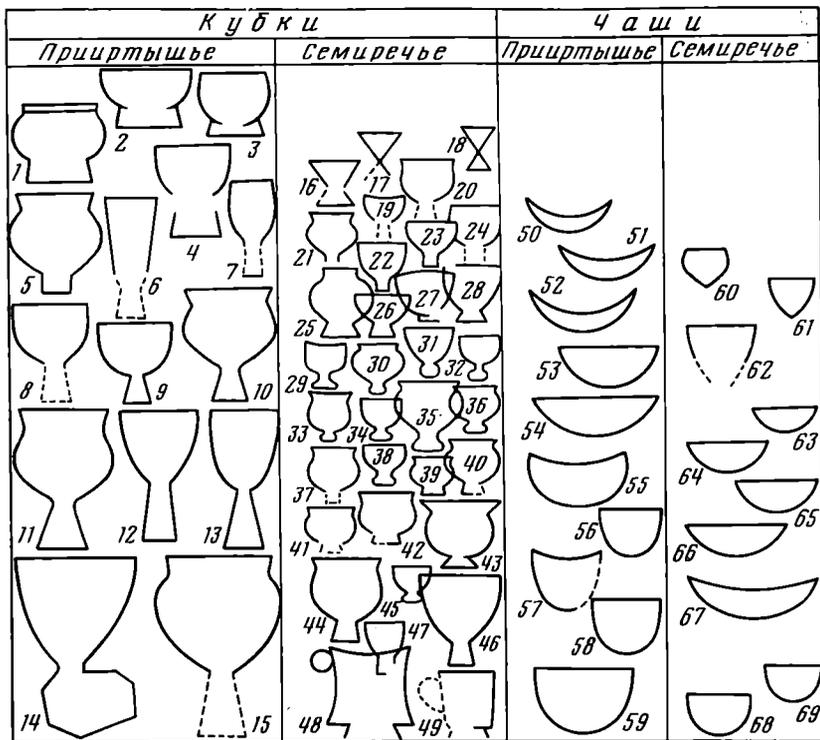


Рис. 5. Сравнительная таблица кубков и чаш, обозначенных на прииртышских и семиреченских статуях I типа

изваяний, но сосредоточены они, главным образом, в Семиречье. В заключение надо отметить полное отсутствие на территории Монголии прииртышских форм головных уборов, как и то, что там было учтено лишь одно изваяние второго типа. Возможно, это обстоятельство следует объяснить обратным (западным и юго-западным) направлением кимакско-кыпчакской экспансии IX—XI вв.

Воспроизведенные сосуды можно разделить на три группы: 1) квадратная банка, 2) кувшиновидные кринки с широкой горловиной, 3) кубок на ножке.

Первый тип довольно редок. За пределами Прииртышья он обозначен лишь на двух половецких статуях<sup>19</sup>. Кувшиновидные сосуды (кринки) изображены на трех семиреченских скульптурах<sup>20</sup>, а также на одной тувинской, трех оренбургских и пяти половецких статуях. Кубки отмечены на четырех семиреченских и двух половецких фигурах. Таким образом, можно предположить, что квадратная банка вместе с высоким головным убором четырехугольных очертаний является местной особенностью для данных памятников.

Наличие подобных сосудов и шляп на половецких скульптурах свидетельствует, по-видимому, об определенных этногенетических и культурных связях между отдельными племенами Прииртышья и южнорусских степей. В то же время в близких формах обозначенных предметов нетрудно заметить и характерные для каждой из этих областей различия. К сожалению, нехватка фактического материала исключает пока возможность детально и достаточно обоснованно проследить все намечающиеся связи и отличительные признаки. Очень мало сохранилось каменных изваяний второго типа в Прииртышье. Плохо изучены эти памятники

<sup>19</sup> Плетнева С. А. Ук. соч., табл. 23, 145; табл. 51, 910.

<sup>20</sup> Шер Я. А. Ук. соч., табл. XXVI, 124; табл. XXIX, 143, 144.

Территория	Тува	Алтай	Приир-тышье	Семиречье	Западный Казахстан	Южная Русь
Общее число статуй II типа	22	4	8	38	6	700
Головные уборы						
						
						
						

Рис. 6. Таблица распространения прииртышских форм причесок и головных уборов, обозначенных на изваяниях II типа

Территория	Монголия	Тува	Алтай	Приир-тышье	Семиречье	Западный Казахстан	Южная Русь
Общее число статуй III типа	12	22	9	36	26	8	43
Головные уборы							
							
							
							

Рис. 7. Таблица распространения прииртышских форм причесок и головных уборов, обозначенных на изваяниях III типа

ки в Центральном и Западном Казахстане, на территории Волго-Уральского междуречья. Много еще неопубликованных статуй в Джамбулском, Чимкентском и других краеведческих музеях Казахстана и Киргизии, а большинство ранее опубликованных нуждается в дополнительном обследовании. Но уже и теперь довольно четко выделяются локальные особенности прииртышских и южнорусских памятников второго типа. Они касаются главным образом самой трактовки изображенных предметов. Так, например, если на прииртышских изваяниях контуры одежды, причесок и головного убора даны весьма обобщенно, то в южнорусских степях (на территории расселения наиболее мощных объединений половцев) все атрибуты и элементы одежды каменных статуй исполнены очень конкретно. Следует помнить, однако, что указанные особенности выделены в пределах лишь одной (первой) группы изваяний второго типа — с высокими подчетыреугольными шляпами, не встречающихся на других территориях, за исключением юга России и Прииртышья. В остальных группах также имеются различия. Они касаются не только манеры исполнения, но и формы обозначенных предметов.

Третий тип включает в себя 36 стеловидных фигур с обобщенным силуэтом. По очертаниям прически и головного убора среди них различаются четыре группы (рис. 7): 1) островерхие шапки, 2) изваяния с округлой головой, 3) статуи с прямоугольной головой, 4) высокие, сужающиеся вверх головные уборы.

Круглая голова (рис. 7, 2) зафиксирована почти исключительно на мужских скульптурах, высокие шляпы (рис. 7, 4) — на женских, а разнообразие вариантов островерхих и подпрямоугольных шапок встречены как на мужских, так и на женских фигурах.

В таблице представлено количественное соотношение тех или иных форм головных уборов, изображенных на изваяниях третьего типа. Наибольшее распространение получили памятники с округлой трактовкой

головы, без явно выраженного головного убора (рис. 7, 2). Они рассредоточены почти равномерно по всей территории — от Монголии до южнорусских степей включительно, хотя процентный показатель их по отношению к общему числу каждого отдельного района неодинаков. Гораздо меньше насчитывается статуй с островерхими невысокими шапками (рис. 7, 1), но в Прииртышье и южнорусских степях они составляют абсолютное большинство среди памятников рассматриваемого типа. Далее следуют изваяния с подпрямоугольными очертаниями головы (рис. 7, 3). В Монголии такая форма отсутствует. В других районах подобные скульптуры представлены более или менее равномерно. Меньше всего учтено статуй с высокими, слегка сужающимися вверх шляпами (рис. 7, 4). Надо отметить вместе с тем, что эта форма зафиксирована почти на всей территории распространения средневековых скульптур исключительно на женских статуях. К востоку от Прииртышья такие головные уборы весьма редки.

Высокие конические шляпы чаще всего были отмечены на южнорусских памятниках и в Прииртышье, что дает основание рассматривать эти районы как наиболее вероятные исходные центры распространения подобных головных уборов. Кстати сказать, в синхронных курганах Прииртышья найдены остатки шляп аналогичной формы<sup>21</sup>. Наряду с тем между изваяниями каждой из указанных областей прослеживаются и отличительные черты, обусловленные, по-видимому, местными особенностями. Различия заключаются прежде всего в самой отделке скульптур. Западные фигуры более конкретны в деталях одежды и атрибутах. Восточные же, наоборот, характеризуются предельной обобщенностью силуэта и, в частности, головного убора при довольно подробной разработке лица. Видимо, восточные и западные кыпчаки по-разному решали вопросы сходства с изображаемым субъектом. В первом случае узнаваемость обеспечивалась в основном за счет точного копирования одежды и реалей, во втором — путем подчеркивания заметных, бросающихся в глаза физических особенностей лица и фигуры. При этом соответствие с фигурой конкретного человека определялось, видимо, уже на стадии подборки монолита. Схематичность восточных памятников в какой-то степени объясняется также известным «провинциализмом» прииртышских племен XI—XIII вв., не располагавших большими возможностями для создания высокохудожественных произведений (талантливые художники-камнерезы и в древности встречались редко) в отличие от своих именитых половецких сородичей, пользующихся услугами лучших скульпторов. Необходимо помнить и то, что подавляющее большинство изваяний третьего типа было создано в крайне тяжелое время для кыпчакско-половецкого населения (усиление межплеменных распри в конце XII в., монгольское завоевание в первой четверти XIII в.)<sup>22</sup>, отсюда и относительно небрежная отделка многих памятников не только на периферии, но и в центральных районах расселения половцев.

Еще одним отличительным признаком для прииртышского региона является наличие лицевого сердцевидного выреза на головном уборе изваяний третьего типа (рис. 8, 1—5, 8). Такой вариант был отмечен как характерный для прииртышских памятников первого типа (рис. 2, 1), он зафиксирован также на местных статуях второго типа (рис. 6, 1). Отмеченные на других территориях единичные образцы с сердцевидным лицевым вырезом, как правило, даны в сочетании с иными формами ша-

<sup>21</sup> Арсланова Ф. Х. Средневековый могильник из Прииртышья. — В кн.: Сборник Министерства высшего и среднего специального образования Казахской ССР, вып. III. Алма-Ата, 1963, с. 285, табл. VI, 1—4, 8; с. 287, рис. 2; *её же*. Погребение золотоордынского времени в Павлодарской области. — В сб.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, с. 56, табл. 1, 2.

<sup>22</sup> Плетнева С. А. Ук. соч., с. 69, 70.

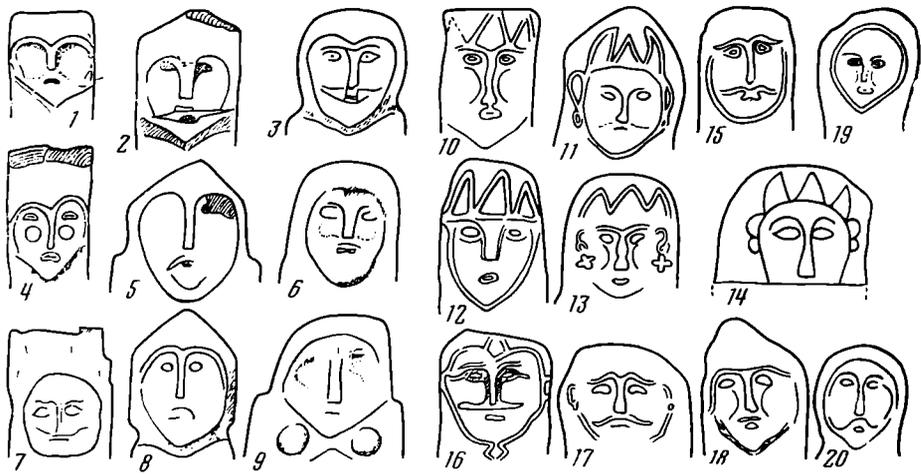


Рис. 8. Сравнительная таблица причесок и головных уборов, характерных для изваяний III типа Прииртышья и Семиречья: 1—5, 8 — прииртышские изваяния в головных уборах с сердцевидным лицевым вырезом; 7, 9 — прииртышские изваяния в головных уборах с округлым лицевым вырезом; 10—14 — «трехрогие» головные уборы семиреченских статуй; 15—20 — варианты округлых и сердцевидных лицевых вырезов семиреченских изваяний

пок или покрывал, образующих свои неповторимые разновидности (рис. 8, 16, 18). Выше упоминалось, что в Семиречье (Тянь-Шань) учтено несколько изваяний с «трехрогими» головными уборами и округлым лицевым вырезом. «Рога» обозначены на лобной части покрывала (или шапки) в виде трех вытянутых треугольников (рис. 8, 10—14). Для данной территории трехрогий головной убор является традиционным, поскольку такая его разновидность была зафиксирована еще на статуях первого типа Киргизии<sup>23</sup>. За пределами семиреченского ареала подобные формы пока не встречены, если не считать миниатюрной каменной женской фигурки (неизвестного происхождения), хранящейся в Тюменском музее<sup>24</sup>, и изображения женщины на кудыдыргинском валуне<sup>25</sup>.

Итак, приведенная выше систематизация прииртышских изваяний дала возможность выделить среди них три разновременных типа, определяемых позой скульптуры. Кроме того, на широком территориальном фоне для каждого типа удалось выявить преобладающие узлокальные признаки (главным образом по форме сосудов и головных уборов), дать краткую характеристику неповторимых местных особенностей. Картографирование средневековых каменных изваяний позволило очертить примерные границы распространения выделенных типов (рис. 9)<sup>26</sup>. При этом выяснилось, что если статуи первого типа сосредоточены на территории Монголии, Тувы, Хакасии, Южной Сибири и Казахстана (не далее, впрочем, Актюбинской области), то второй тип распространен гораздо шире — от Тувы до южнорусских степей. Наиболее широким был ареал стеловидных скульптур (третий тип) — от Монголии до восточных районов Венгрии<sup>27</sup>. Известно, что половцы селились в Венгрии еще задолго до нашествия монголов<sup>28</sup>. Уместно в этой связи отметить факт

<sup>23</sup> Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, табл. XVI, 67, 71.

<sup>24</sup> Там же, с. 61, рис. 18.

<sup>25</sup> Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. VI, 2.

<sup>26</sup> Схематическая карта распространения каменных изваяний составлена на основании опубликованных в научной печати данных.

<sup>27</sup> Fodor Istvan. A serszobrok kerdeszhez.— Folia archaeologica XXI, Budapest, 1970, с. 115—126.

<sup>28</sup> Шаниязов К. Ш. Ук, соч., с. 71.

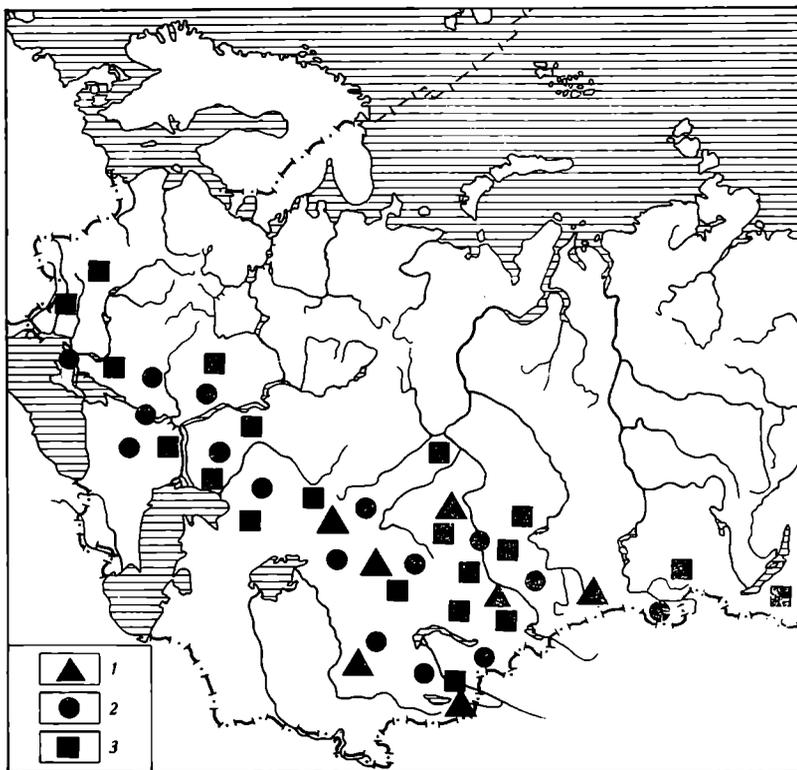


Рис. 9. Схема распространения средневековых каменных изваяний:  
1 — изваяния I типа, 2 — изваяния II типа, 3 — изваяния III типа

нахождения стеловидных статуй в Тамбовской губернии<sup>29</sup>, очень близких по стилю синхронным казахстанским образцам.

С приходом монголов творческая эволюция кыпчакско-половецкой скульптуры вообще прекратилась. Половецкая аристократия была частью истреблена, частью изгнана за пределы своих кочевий и довольно быстро ассимилировалась там, усвоив чужой язык, чужую культуру. Однако обычай еще долго сохранялся в степи среди уцелевших, разобщенных групп побежденного народа<sup>30</sup> и передавался затем из поколения в поколение, каждый раз все более видоизменяясь под воздействием новых идеологических факторов.

В пользу устойчивости обряда погребения, связанного со скульптурным изображением покойного, свидетельствуют пережитки его у некоторых современных народов, сохранившиеся вплоть до XIX в. Еще капитан Рычков отмечал у казахов во второй половине XVIII в. факты жертвоприношений перед «грубыми» (судя по всему — стеловидными) статуями<sup>31</sup>. Позднее А. Левшин наблюдал у них обычай изготовлять скульптурные изображения умерших сородичей. Эти фигуры, исполненные из войлока, иногда из дерева, «принимали участие» в пирах на своих собственных поминках<sup>32</sup>.

По-видимому, уже с середины XIII в. половецкие ваятели все чаще стали заменять портретное изображение из камня безликой антропоморфной стелой, олицетворявшей на поминках покойного. Безликость ста-

<sup>29</sup> Нарцов А. Н. О каменных бабах.— Изв. Тамбов. УАК, вып. 50, 1904 (отдельный оттиск), с. 14, 16.

<sup>30</sup> Шаниязов К. Ш. Ук. соч., с. 73—75.

<sup>31</sup> Рычков Н. П. Дневные записки путешествия Н. Рычкова по киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772, с. 45, 81.

<sup>32</sup> Левшин А. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей, ч. III. Этнографические известия. СПб., 1832, с. 110, 114.

туй, очевидно, была обусловлена влиянием ислама, несомненно ускорившего процесс постепенного развития скульптурного портрета в сторону все большего упрощения и схематизации<sup>33</sup>. В условиях чуждой культуры традиционные религиозные представления постепенно трансформировались и существовали длительное время в измененном виде. К XVII—XVIII вв. схематизация силуэта достигла крайней формы. Образцом предельного обобщения статуй и приспособляемости к требованиям господствующей религии могут служить антропоморфные надгробные памятники на мусульманских кладбищах Западного Казахстана, Средней Азии, Оренбуржья<sup>34</sup>. Принадлежность их к кругу скульптурных изображений человека подчеркнута выделением головы (в виде шара или горизонтальной полосы в верхней части стелы) и плеч. Весьма примечательно, что на одной стеле с кладбища в городе Туркестане воспроизведена чалма, как бы повязанная на голову<sup>35</sup>. Кстати, факт существования этих памятников, наиболее полно сохранивших характерные признаки средневековых статуй третьего типа, является еще одним подтверждением относительно позднего происхождения стеловидных скульптур.

В результате типологического анализа и хронологической классификации отчетливо вырисовывается направление развития каменных изваяний от натуралистического портрета к условно-реалистическому и далее — к предельно схематизированному образу. И на всех этапах эволюции сохранялись основные элементы традиционного обряда — установка изображения умершего сородича-предка, поклонение воздвигнутой статуе, жертвоприношения у «святых мест».

Не исключено, что какая-то часть стеловидных статуй была создана несколько ранее XII в. Возможны отдельные ошибки в определении положения рук или их наличия из-за плохой сохранности отдельных скульптур. Следует допустить и вероятность сосуществования разнотипных памятников в переходные периоды. Однако в своей основе хронологическая последовательность выделенных типов не изменится.

*A. A. Charikov*

#### LOCAL PECULIARITIES OF STONE SCULPTURES FROM IRTYSH BASIN

##### Summary

The author makes an attempt to define local features of stone sculptures of the Upper and Middle Irtysh basin in comparison with the synchronous monuments from Siberia, Khasahstan and steppes of Southern Russia. According to the position of hands the author divides the sculptures into three main types: 1 — sculptures with a bowl in one hand and a sabre (dagger) in the other one; 2 — sculptures with a bowl in both hands; 3 — handless sculptures. The first type belongs to VIth — VIIIth centuries, the second to IXth — XIIth centuries, the third to XIth — XIIIth centuries A. D. Specific features (mainly different forms of hairstyle, head-dress and bowls) were defined for each type of sculptures from Irtysh. The study of the geographical distribution of the monuments permits the author to establish the approximate boundaries of mentioned types and to trace their gradual expansion from east to west. The first type sculptures occupied the smallest territory, but the area of the third type monuments is the largest.

<sup>33</sup> *Плетнева С. А.* Ук. соч., с. 56.

<sup>34</sup> *Касганье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. — Тр. ОЦАК, вып. XXII, 1910, табл. XVII, 3—8.

<sup>35</sup> Там же, табл. XVII, 7.